УДК 82(091)Бахтин

Исторический поворот Бахтина и его советские предшественники*

© 2020 К. Брэндист
Перевод на русский язык А.А. Сычева

Брэндист Крейг, доктор философии, профессор,
руководитель Бахтинского центра в Шеффилде.
E-mail: c.s.brandist@sheffield.ac.uk

Университет Шеффилда. Шеффилд, Великобритания

Аннотация. Автор, базируясь на предыдущих исследованиях и используя неопубликованные архивные материалы Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), предлагает новое понимание идей Бахтина о стратификации и историческом развитии языка. В фокусе статьи – исследования Бахтина конца 1930-х гг., когда он переключил внимание с языка на специфические образы, семантические группы и сюжетные структуры. Бахтин, сохраняя связь с работой, проводимой в ИЛЯЗВ, также обратился к работам других исследователей – Александра Веселовского (1838–1906) и Израиля Франк-Каменецкого (1880–1937), которые оказали значительное влияние на него, в особенности на его идеи о карнавале как синкретическом зрелище и структурной характеристике литературы, а также на его анализ сюжетных структур и метафор. В статье объясняются идеи, положенные в основу представлений Бахтина о хронотопе и карнавале, и рассматриваются перспективы переосмысления этих понятий в качестве полезных инструментов для будущих исследований.
Ключевые слова: языковая стратификация, семантические кластеры, сюжетные структуры, хронотоп.

В течение нескольких последних лет я работал в российских архивах, изучая исследования в области языка, литературы и теории культуры, которые проводились в наиболее значительных исследовательских институтах в 1920-х гг. Особой ценностью для понимания деятельности Круга Бахтина и ее исторического контекста обладают архивы Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ, 1925–1930), ранее Института им. А.Н. Веселовского (1921–1925), позже – Государственного института речевой культуры (ГИРК, 1930–1933), в котором с 1925 по 1932 г. работали Павел Медведев и Валентин Волошинов. В предыдущих работах я отмечал в общих чертах, что идеи Бахтина о социальной стратификации языка и его историческом развитии основывались на положениях, разрабатываемых в ИЛЯЗВ, в том числе в работах Льва Якубинского (1892–1945), посвященных развитию национального русского языка в конце 1920-х гг. (Brandist, 2003). Далее я показал, что наиболее значимые работы Волошинова и Медведева, а также поворот самого Бахтина к социологическим и дискурсивным исследованиям были связаны с коллективным проектом развития социологической поэтики в ИЛЯЗВ в конце 1920-х гг. (Brandist, 2006). В этой статье я продолжаю ту же линию анализа, но выхожу за временные пределы 1920-х гг. – к тому времени, когда и Круг, и ИЛЯЗВ уже остались в прошлом. Я покажу, что в работе конца 1930-х гг., когда Бахтин переключил свое внимание с вопросов лингвистики на вопросы исторического развития специфических образов, семантических групп и сюжетных структур, он сохранял тесную связь с работой, которая проводилась в ИЛИЯЗВ, но в этот раз на него оказали влияние работы другой группы ученых, в фокусе исследований которых находились именно эти проблемы.

---

*Статья впервые опубликована в журнале: Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso. Vol. 11, No. 1 São Paulo Jan./Apr. 2016. https://doi.org/10.1590/2176-457324626

1. Раннее творчество Бахтина

В ранних работах в области нравственной философии и философской эстетики идеи Бахтина по духу близки к идеям немецких романтиков, которые были реакцией на насилие и террор, последовавшие за поддержанной романтиками Французской революцией, а также ставили перед собой задачу воспитания народа в духе Просвещения. Бахтин писал так же – как «попутчик» русской революции, реагирующий на насилие и террор Гражданской войны и ведущий поиск путей разработки нравственных принципов, подходящих для современной ему ситуации. Ранние романтики отказались как от филистерской ориентации утилитарной этики, так и от одностороннего рационализма этики Канта на том основании, что первая сводится к моральной конвенции в интересах «легкой» жизни, в то время как последняя вынуждает индивида поступать вопреки своим склонностям согласно жестким требованиям морального закона (Beiser, 2003, pp. 92–93). К началу XX столетия такая же критика была предложена в еще одном, совершенно ином по характеру источнике: феноменологии Франца Брентано и его последователей[1], что в 1920-е гг. не могло не привести к непрекращающимся попыткам соединить некоторые идеи романтиков с аналитической строгостью феноменологии. Во фрагменте текста, ныне известном под названием «К философии поступка», Бахтин (2003 [1921–1924]; 1993 [1921–1924]) утверждает, что ни кантианская, ни утилитарная этика не способствуют развитию индивидуальности и достижению свободы, поскольку не только разум, но и сама интуиция нуждаются в совершенствовании. Чувство долга должно выводиться из наших склонностей, а не противостоять им, так что культивирование этих склонностей приобретает особую важность. Философские источники Бахтина – от неокантианцев и философии жизни до феноменологии – определенно отличались от тех, которые вдохновляли романтиков, но отношение Бахтина к этим философским течениям во многом соответствовало отношению романтиков к течениям своего времени.

Романтики подчеркивали роль искусства в моральном образовании человечества (Bildung). Некогда влиятельные и привлекательные мифы и таинства религии, которые будили эмоции и возбуждали воображение людей, наряду с церковью подвергались систематической дискредитации интеллектуалами и пропагандистами Просвещения. Но вместе с религией были утеряны и публичные формы морального руководства. Эта утрата проявилась еще острее в России, где право тесно интегрированной с реакционным царистским государством церкви на моральное лидерство к началу XIX столетия мало кем признавалось всерьез. В обоих случаях на центральное место выдвигалась национальная литература, служившая средством поддержания чувства причастности городских интеллектуалов к творческому воображению народа. Так, основатель русской литературной критики Виссарион Белинский (1811–1848) отмечал в 1846 г.: «Но все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша, сосредоточивалась до сих пор и еще долго будет сосредоточиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия…» (Belinsky, 1962, p. 9).

Убеждение в том, что и писатель, и критик имеют моральные обязательства, которое присутствовало у всех интеллектуалов XIX века, трансформировалось в ходе развития модернизма и авангарда, но так никогда и не исчезло ни из самой русской литературы, ни из литературоведческих исследований. Так, в своем эссе о «Войне и мире» Льва Толстого брат Михаила Бахтина Николай одобрительно писал об этом «русском подходе к искусству», фактически воспроизводя подход ранних немецких романтиков. Искусство стремится наполнить наше бытие, повлиять на наши импульсы и самые сокровенные реакции, оформить нашу чувственность, трансформировать и организовать наши взгляды – и, в конеч-

[1] Брентано (1889) находился у истоков направления в этической мысли, представленного работой Макса Шелера (1874 –1928) о симпатии, серьезно повлиявшей на Бахтина в 1920-х гг. О долге Бахтина перед Шелером см. работу Пула (Poole, 2001). Пул, впрочем, преувеличивает оригинальность Шелера, упуская из виду инновации, внесенные Брентано.

ном счете, повлиять на наше поведение; короче говоря, «научить нас, как жить» (Bachtin, 1963, p. 26).

В своем раннем феноменологическом анализе нравственного поступка Михаил Бахтин выделил эстетический момент и пришел к выводу, что искусство играет морально-образовательную роль в культивировании не столько интеллекта, сколько чувств и желаний, развивая таким образом восприимчивость личности. Бахтин вел поиск сущности эстетики, которую он обнаруживал в условном слиянии с Другим перед возвращением на собственную уникальную позицию, с которой можно получить оформление и завершение. В «Авторе и герое в эстетической деятельности» (Bakhtin, 2003 [1924–1927]; 1990 [1924–1927]) эта идея развивается в утверждение, что именно через принятие модальности отношений автора и героя литературное произведение может стимулировать непосредственность мышления, развивать восприятие личности и побуждать ее действовать в согласии с разумом. Этот моральный разум имеет правовой характер, поскольку он учит нас относиться к индивиду только как к носителю прав и обязанностей. Он действует не посредством разумной аргументации, а посредством вдохновения и стимулирования воображения. Литература как вид искусства, который не является чрезмерно доктринальным, который свободен от внешних ограничений и создается в согласии с внутренне присущей ему природой («внутренняя форма» произведения у Гете[2]), способна помочь в культивировании наших восприятий, рафинировании, облагораживании и сублимации наших желаний и чувств в согласии с требованиями моральной жизни. Но искусство всегда морально, и для того, чтобы оставаться верным внутренне присущей ему природе, автору нужно, тем не менее, принимать на себя авторскую ответственность[3].

2. Социологическая поэтика

Таким был этический смысл ранних, статичных изысканий Бахтина, касающихся сущности эстетической деятельности. Ситуация серьезно изменилась в середине 1920-х гг., когда два члена так называемого Круга Бахтина – Павел Медведев и Валентин Волошинов занялись проектом разработки новой социологической поэтики в ИЛЯЗВ[4]. План книги Волошинова на эту тему (1925–1926 гг.), который я недавно опубликовал, демонстрирует программу проекта на тот период времени, и здесь мы видим не только предполагаемое направление исследований, результатом которого должны были стать «Слово в жизни и слово в поэзии», «Марксизм и философия языка» Волошинова и «Формальный метод в литературоведении» Медведева, но и многие пункты, которые Бахтин намеревался осуществить в 1930-х гг. (Voloshinov, 2008). В частности это касается изучения эволюции жанров поэзии и романа в социологической перспективе и намерения преодоления разрыва между теоретической и исторической поэтикой. «Проблемы творчества Достоевского» (1929) представляют попытку Бахтина перевести ранний феноменологический подход в социологические и дискурсивные понятия по моделям, заданным проектом социологической поэтики, однако исторически ориентированной эта попытка оказалась лишь в нескольких комментариях об архитектонике романа Достоевского, которая рассматривается как результат воздействия капитализма на исторически отсталую социальную структуру русского общества (Бахтин, 1929). Когда исследование разворачивается в полную силу, в нем начинает доминировать старый статичный анализ, так как поиск общей (диа)логики произведений Достоевского и модальности автора и героя утверждается ценой отказа от

---

[2] Внимание русских литературоведов к идее «внутренней формы» произведения привлек немецкий теоретик литературы Оскар Вальцель (1864–1944), который близко общался как с Виктором Жирмунским, так и с ведущим защитником «социологической поэтики» Павлом Сакулиным (1868–1930) и который посетил Россию в конце 1920-х гг. Эссе Вальцеля по этой проблеме, написанное в 1918 г., в русском переводе появилось в 1928 г. (Вальцель, 1928).

[3] Ср. с описанием Николаем Бахтиным двух «основных грехов» искусства: дидактизма и декаданса (Bachtin, 1963, pp. 26–27).

[4] Об этом проекте см.: Brandist, 2008.

какого-либо систематического рассмотрения сюжетной структуры, которая трактуется лишь как более или менее произвольно используемое средство порождения интерсубъективного взаимодействия в словесной форме, которое Бахтин называет диалогом. Социологическая переориентация Бахтина позволяет его друзьям облегчить процесс публикации его книги в той же серии монографий ИЛЯЗВ, что и их собственные работы по этой проблематике. У нас нет информации о том, как часто Бахтин посещал исследовательские семинары ИЛЯЗВ. Посещения таких мероприятий не фиксировались, так что подтверждений этому нельзя обнаружить в архивах, но с высокой степенью вероятности можно утверждать, что он знал о том, что там происходило, со слов Волошинова и Медведева и определенно следил за работой, которая там велась, поскольку ее результаты публиковались в институтском журнале «Язык и литература» и многих других изданиях.

3. Александр Веселовский: между позитивизмом и романтизмом

Основные исторические исследования, проводимые в ИЛЯЗВ, стали оказывать влияние на работу Бахтина лишь к концу 1930-х гг., когда проблематика диалога уступила место более историко-ориентированному типу литературной теории, в которой на передний фон выдвигается проблема построения сюжета. Своего пика эта тенденция достигает к 1938 г. – году столетнего юбилея Александра Веселовского (1838–1906), когда советская пресса была наполнена выражениями признательности ученому, именем которого ИЛЯЗВ был изначально назван. Среди юбилейных откликов был и текст научного руководителя Волошинова в ИЛЯЗВ Василия Десницкого (1878–1958), который оплакивал безвременное закрытие ИЛЯЗВ в 1933 г. из-за того, что молодые историки будут лишены литературного обучения в духе Веселовского – в атмосфере понимания интернациональной природы литературы, множественных отношений между национальными литературами и близких отношений между языком и литературой (Десницкий, 1938, с. 71). Исторические исследования литературы в ИЛЯЗВ рассматривались как попытки усовершенствовать подход Веселовского в соответствии с новой социологической программой, в частности с теорией сменяющих друг друга общественных формаций, которая стала активно разрабатываться в советской историографии и социологии[5].

Веселовский утверждал, что литературные и языковые формы возникают вместе в первобытном синкретизме, который он определял как «сочетание ритмованных, орхестических движений с песней-музыкой и элементами слова» (Веселовский, 2004 [1899], р. 201). Веселовский развивал идеи немецкого романтизма и психологии народов (*Volkerpsychologie*), в особенности поэта-романтика Людвига Уланда (1787–1862), а также использовал идеи о совместной жизни, которые он обнаружил в трудах американского антрополога Льюиса Моргана (1818–1881), русского социолога Максима Ковалевского (1851–1916) и швейцарского юриста и антрополога Иоганна Бахофена (1815–1887). Используя популярный впоследствии тезис, выдвинутый немецким экономистом и музыковедом Карлом Бюхером (1847–1930) в книге «Работа и ритм» (1896), Веселовский утверждал, что появление «песни-игры» отвечало потребности освобождения «накопившейся физической и психической энергии путем ритмически упорядоченных звуков и движений» (Веселовский, 2004 [1899], с. 201)[6]. Эта ритмическая организация хорового пения проявлялась в игре и танце, воплощая то, что Веселовский назвал «психофизическим катарсисом». В это время вербальный элемент был второстепенным и почти лишенным содержания, поскольку доминировали эмоциональные факторы. За этим последовала постепенная дезинтеграция хоровой массы, выделение солиста и развитие диалога между солистом и хором. Так возникает поэзия и одновременно совершенствуется язык, поскольку дифференциация социальных отношений и материальных интересов, повысив содержа-

[5] Исчерпывающий обзор проблемы см.: Подоль, 2008.

[6] Русский перевод книги Бюхера вышел в 1899 г. и был переиздан в 1923 (Бюхер, 1923). О недавних дискуссиях о значении работ Бюхера для сегодняшнего дня см.: Backhaus, 2000; Meyer-Kalkus, 2007.

тельную важность слов, потребовала разработки четко определенных словарных значений и сложных форм синтаксиса (Веселовский, 2004 [1899], с. 130–153)[7].

Если влияние романтизма не вызывает особых споров в бахтинологии[8] (бахтинская идея карнавала как синкретического зрелища, которое превратилось в структурную черту литературы, почти наверняка восходит к Веселовскому), то о влиянии позитивизма этого сказать нельзя. В СССР считалось хорошим тоном нападать на позитивизм, он воспринимался как нечто вроде особой формы фетишизма, направленной на коллекционирование фактов ради самих фактов и трактующей социальные феномены с позиции вульгарного натуралистического детерминизма. Однако позитивизм был намного сложнее, и его влияние на ту область, которую мы здесь обсуждаем, было гораздо серьезнее, чем это обычно признается. Дореволюционная и ранняя советская мысль буквально пронизана восходящими к Огюсту Конту (1798–1857) представлениями о трех стадиях эволюции в понимании природы и общества – от ранних «фетишистских» объяснений, основанных на нескольких фактах, объединенных теологическими и мистическими причинами, и от метафизических объяснений, где большее количество фактов связывается при помощи персонифицированных абстракций, до выявления позитивных законов, регулирующих явления (Comte, 1973 [1855])[9]. Более того, сейчас хорошо известно, что серьезное влияние на Бахтина оказала Марбургская школа неокантианства. Социологи, принадлежащие к конкурирующей Баденской школе неокантианства, постоянно обвиняли марбуржцев в том, что они воспроизводят позитивистские схемы, используя терминологию критического идеализма в ходе «поиска базовой логики для точных и исторических наук» (Rose, 1981, pp. 21–22). Как я показал в другом месте (Brandist, 2000), эти идеи лежат в основании рассуждений Бахтина по поводу монологизма и диалогизма, определяющих, соответственно, каждую из названных областей науки. Отличием от «классического» позитивизма было то, что в Марбургской схеме саму возможность познания эмпирического мира следовало отбросить ради новой метафизики, согласно которой познанный мир является продуктом изначально существующих мыслительных категорий. Таким образом, встречу идей Бахтина с позитивизмом под видом эволюционной теории культуры не так уж сложно представить, и в СССР в 1930-х гг. это предполагало объединение важных элементов, взятых из работ британского философа, социального эволюциониста Герберта Спенсера (1820–1903) и эволюционного антрополога Эдварда Б. Тайлора (1832–1917) – психического единства всех людей и так называемой «доктрины пережитков», согласно которой анализ выживших культурных форм или реликтов прошлого может помочь в реконструкции развития сознания и культуры человечества[10].

Веселовский был наиболее известным дореволюционным транслятором в гуманитарную мысль России идей британских позитивистов – социальных антропологов. Это влияние во многом было предопределено тем, что он с непревзойденной тщательностью и широтой использовал сравнительный метод в исследованиях мировой литературы, демонстрируя при этом большую эрудицию и тонкость[11]. Он старался изучать серии литературных фактов, выявлять последовательные отношения между этими фактами, устанавливать соответствия с регулярными принципами, определять, являются ли эти принципы каузальными, и путем накопления подтверждений приходил к формулировке таких обобще-

---

[7] См. работу о Веселовском Энгельгардта (Энгельгард, с. 130–53). Ср. также с дискуссией Герберта Спенсера об изначальном единстве ритма в звучании речи и движении, из которой в процессе эволюции образовались различные формы (Spencer, 1867).

[8] См. например: Tihanov, 1997.

[9] См. также: Schmaus, 1982.

[10] Доктрина изначально была предложена в книге Тайлора (Tylor, 1871), которая появилась в русском переводе в следующем году. О развитии этой доктрины и соответствующего метода см.: Hodgen, 1931; Hodgen, 1933; Stocking, 1987, с. 164–179.

[11] См. его характеристику сравнительного метода: Веселовский, 2004 [1870], с. 47. См. также: Энгельгард, 1924, с. 52–64; Жирмунский, 1938; Жирмунский, 1939.

ний, которые должны были «подойти к точности закона» (Веселовский, 2004 [1870], с. 47).

Вслед за британским фольклористом Эндрю Лэнгом (1844–1912) Веселовский рассматривал доктрину пережитков Тайлора как основание для выстраивания эволюционной последовательности жанров от мифологии, через фольклор до развитых литературных форм (Stocking, 1995, p. 52)[12]. В этом отношении Веселовский расходился с индоевропеистами, которые ограничивали сравнительный метод изучением народов, чье общее происхождение было возможным, для того чтобы обнаружить общих предков, которые разговаривали на протоязыке и разделяли общую мифологию. Вместо этого он принял на вооружение высказывание Лэнга о том, что «не столько идентичность расы или заимствования идей и форм поведения, сколько схожие условия существования сознания порождают схожие практики» (Lang, 1904 [1884], p. 22). Это положение оказало мощное влияние на лингвистику и теорию литературы после 1917 г. С этой позиции жанры и сюжетные линии должны прослеживаться вглубь истории до тех пор, пока они не станут объектами общей этнографии, теми практиками, которые Веселовский, подобно Тайлору и Лэнгу, считал возникающими в различных местах в результате сходных условий. Имевший некоторое отношение к Кругу Бахтина Борис Энгельгардт (1887–1942), утверждал в своей работе о творчестве Веселовского, что его «элиминация литературных влияний», т.е. диффузии «является необходимой предпосылкой всякого анализа литературных фактов с точки зрения их органичности» (Энгельгард, 1924, с. 131). Веселовский согласен с Лэнгом, который подчеркивал: «учитывая, что миф есть продукт раннего человеческого воображения, способствующий рудиментарному познанию внешнего мира, исследователи фольклора считают, что расовые различия не могут существенно повлиять на раннюю мифопоэтическую способность» (Lang 1904 [1884], p. 23). Если Лэнг представил наиболее влиятельную и непримиримую оппозицию расовой концепции в индоевропейской филологии в Британии, особенно заостренную против работ филолога и ориенталиста Макса Мюллера (1823–1900), то Веселовский занял такую же позицию в России[13].

4. Семантическая палеонтология

Рецепция творчества Веселовского в ИЛЯЗВ была глубокой и всесторонней, поскольку некоторые из ведущих сотрудников института были его студентами (Виктор Жирмунский (1891–1917), Владимир Шишмарев (1875–1957), Николай Марр (1864/5–1934))[14]. Все эти ученые приняли сравнительно-исторический метод, но к концу десятилетия особенно влиятельной стала версия этого метода, предложенная Марром. Как известно, Марр разработал собственный сравнительный метод для исследований того, что он называл «единым глоттогоническим процессом».

Согласно Марру, все языки развиваются от множественности к единству и стадии этого развития соответствуют определенным стадиям развития коллективного сознания,

---

[12] См. также: Montenyohl, 1988. На Веселовского особое влияние оказала глава «Метод в фольклоре» книги Ланга (Lang, 1904 [1884], с. 10–28) и его же двухтомник (1899). Об этом см.: Жирмунский, 1938, с. 52–53.

[13] О борьбе между эволюционистами и мифологистами см.: Dorson, 1968.

[14] В конце жизни Бахтин утверждал, что знал Шишмарева и, несомненно, питал к нему глубокое уважение. Об этом см.: у Дувакина (Дувакин, 1996, с. 62–63). Влияние Шишмарева на поздние работы Бахтина никогда не становились предметом систематических исследований, хотя вопрос о знании Бахтиным работы Шишмарева о Рабле ранее рассматривался (Попова, 2006, с. 98–99). Медведев и Волошинов, несомненно, тесно сотрудничали с Шишмаревым в ИЛЯЗВ в конце 1920-х гг. (РГАЛИ. Ф. 288, оп. 1, д. 39, л. 7 об.; д. 29, л. 92). Медведев считал Жирмунского одним из мыслителей, чья трактовка литературы была наиболее близка к его собственной (Медведев, 1992, с. 92). О сложных взаимоотношениях между идеями Волошинова и Марра см.: Lähteenmäki, Васильев, 2005. Об отношении Бахтина к Марру см.: Бахтин, 1999, с. 89; однако степень знакомства Бахтина с работами самого Марра, а не его последователей, изучавших литературу, остается невыясненной.

производительных сил и производственных отношений[15]. Основополагающим для размышлений Марра о самой ранней, «диффузной» стадии языка и мысли была идея мифологического мышления, как ее понимал другой мыслитель-позитивист – ученик самого Конта Люсьен Леви-Брюль (1857–1939). В книге «Ментальные функции в примитивных обществах» («Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures», 1910) Леви-Брюль утверждал, что ранние формы мышления были безразличны к логическим противоречиям и что вместо этого общественное мышление руководствовалась так называемым «законом партиципации», в котором разделяемые всеми идеи регулируются чувством и телесной активностью[16]. На последующем этапе люди освободились от влияния мифологического мышления посредством создания новых форм социальной организации и логических рассуждений, что, в свою очередь, породило характерные формы того, что Эмиль Дюркгейм (1858–1917) назвал «коллективными представлениями». В контексте творчества Марра это влекло за собой появление более адекватных семантических единиц и синтаксических структур из «диффузных» форм первобытных обществ.

Марр ввел эти идеи в рамки эволюционного подхода, сформированного главным образом работами Герберта Спенсера, влияние которого на свое интеллектуальное развитие Марр считал наиболее весомым (Марр, 1935, с. 127)[17]. В обширной «Системе философии» Спенсера, особенно в его «Основных началах новой системы философии» (1862 г.) и «Основаниях социологии» (1874–1875 гг.; дополн. в 1876 г., 1885 г.) уже обнаруживаются некоторые положения, которые станут частью более поздних концепций Марра, такие как примитивная «неопределенность» языка раннего периода и его соотношение с формами мышления, которые Леви-Брюль назвал бы характерно «мифологическими», и наличие связи между развитием языка, мышления и эволюцией социальных функций[18]. Марр считал, что, связывая эти идеи с доктриной пережитков, исследователь мог подвергнуть языковые явления палеонтологическому анализу, раскрыть более ранние стадии языка и мышления и в конечном счете дойти до имен примордиальных тотемов. Что бы ни говорили о лингвистических изысканиях Марра, нельзя не признать, что развитие его метода шло от эволюционных исследований к семантике мифа и фольклора, поэтому, когда литературоведы начали использовать марровские категории в литературном анализе, они нередко оказывались весьма продуктивными.

Наиболее выдающейся фигурой в процессе этого развития был Израиль Франк-Каменецкий (1880–1937), специалист по древнеегипетской религии и поэтике Библии, который возглавлял группу по изучению мифов и литературных сюжетов в Яфетическом институте (1921–1929, в 1929–1950 гг. – Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра) и группу по палеонтологии литературных приемов и сюжетов при ИЛЯЗВ. Франк-Каменецкий изучал философию и историю Древнего мира в Германии у Вильгельма Вундта (1832–1920), Карла Бюхера и Эдуарда Мейера (1855–1930), после чего приступил к изучению древнеегипетского, арабского языков и иврита совместно с основателем немецкого критической библеистики Юлиусом Велльгаузеном (1844–1918)[19]. От Велльгаузена Франк-Каменецкий воспринял бескомпромиссно научный и текстологически чрезвы-

---

[15] Эта характеристика идей Марра относится к периоду примерно с 1923 г. Имеется большое количество вторичных источников, рассматривающих эти идеи, особенно на русском языке. Среди наиболее надежных и доступных: Thomas, 1957; Алпатов, 2004; Seriot, 2005; Velmezova, 2007.

[16] О том, чем Леви-Брюль был обязан Конту, см.: Schmaus, 1996. Книга Леви-Брюля была переведена на английский (1926) и на русский – с введением Марра (Леви-Брюль, 1930)

[17] К сожалению, целостного анализа влияния Спенсера на Марра проведено не было, хотя имеются некоторые наблюдения, имеющие отношение к этому вопросу. См: Десницкая, 1951, с. 48–50; Velmezova, 2007, pp. 205–211. В своем автобиографическом наброске Марр упоминает и другое значительнее влияние на свое творчество – со стороны книг шотландского реформатора Сэмюэля Смайлса (1812–1904), в которых превозносилась добродетель самопомощи.

[18] См., напр.: Spencer, 1904, vol. 1, pp. 335–341, pp. 354–359, p. 430.

[19] Биографическая информация основана на материалах личного дела Франк-Каменецкого в архиве Института языка и мышления (ПФА РАН. Ф. 77, оп. 5, д. 142ll., л. 13–15) и документах, хранящихся в этом же фонде (ПФА РАН, Ф. 77, оп. 1 (1937), л. 22).

чайно тщательный подход к библейским исследованиям. Этот подход привел Велльгаузена к утверждению, что Тора (Пятикнижие) берет свое начало в четырех изначально независимых текстах, написанных через несколько столетий после их традиционного автора – Моисея, которые были совместно отредактированы[20]. Велльхаузен раскрыл не только монтажную структуру вместо единого текста, но и те слои, которые позже были объединены в религиозную доктрину и эволюционировали от анимизма через многобожие к монотеизму. Это побудило Франк-Каменецкого разработать подход, предполагающий рассмотрение героев библейских историй не как исторических персонажей, а как персонификации и воплощения универсальных космических сил. Это намерение поместить Библию в более широкую перспективу получило поддержку Мейера, который считал, что «универсальные религии», которые «претендуют на то, чтобы быть мировыми религиями», «настолько переплетены в своем развитии... что только общее соображение, которое рассматривает каждую из них с равным уважением, позволяет в полной мере понять их историю» (цит. по: Tenbruch, 1987, p. 244). Для Мейера, как и для Франк-Каменецкого, такое исследование приводит к «теории общих форм человеческой жизни и развития человека» (цит. по: Tenbruch, 1987, p. 245).

Когда Франк-Каменецкий в 1922 г. столкнулся с марризмом, то увидел в нем основу для обобщения критических библейских исследований, которые могли бы привести к общей теории развития религии и повествовательной литературы в целом. Оглядываясь назад, он утверждал, что «теория единого глоттогонического процесса» Марра поставила перед исследователями метафоры и сюжета новую задачу: изучение «проблемы происхождения и трансформации фольклорных мотивов из смены последовательных этапов развития общества и мировоззрения» (ПФА РАН, Ф. 77, оп. 1 (1934), д. 21, л. 64). Одной из самых ранних попыток доказать этот тезис была опубликованная в 1925 г. в журнале марровского Яфетического института статья Франк-Каменецкого, в которой одинаковые сюжетные мотивы были обнаружены в древнеегипетской истории и в грузинской народной сказке (Франк-Каменецкий, 1925). Здесь он систематически исключил возможность того, что он называл «механическим заимствованием», а также выделил общий субстрат мифических концепций, из которых возникли сюжеты. Хотя особенности национальной культуры и должны признаваться, но теперь они должны рассматриваться как результат исторического развития, когда каждая культура «проходит через одни и те же этапы, но в каждом конкретном регионе усложняется специфическими условиями пространства и времени и приобретает полноту посредством взаимодействий и влияний» (Франк-Каменецкий, 1935, с. 113). Осведомленность Франк-Каменецкого в области критических библейских исследований препятствовала излишнему увлечению экстравагантными идеями Марра, нередко выстраивавшего совершенно фантастические экстраполяции на основе интуиции и довольно проницательных наблюдений. Кроме того, сосредоточенность Франк-Каменецкого на повествовательных формах, а не на лексических единицах позволяла ему получить более плодотворный материал для рассмотрения психического единства. Уже в конце 1920-х гг. начали появляться вызывающие большой интерес работы, в которых отмечались параллели между сюжетами и метафорами в литературных явлениях, распределенных по всему миру. Кульминацией этого процесса в 1932 г. стал коллективный анализ средневекового романа о Тристане и Изольде, в котором ряд исследователей из ИЛЯЗВ и Института языка и мышления выделили и проанализировали сюжетные и метафорические параллели между феодальным романом и множеством первобытных мифов, фольклором классического мира, Кавказа и Древнего Востока (Марр, 1932).

Работа Франк-Каменецкого часто кажется попыткой дать альтернативное объяснение мифотворчества и последующего развития метафор по сравнению с Максом Мюллером. В статье 1929 г. Франк-Каменецкий утверждал, что Мюллер, отметивший тесную

---

[20] См. особенно: Wellhausen, 1883, английский перевод (1885). Русский перевод был сделан Н.М. Никольским (1877–1959), который, возможно, был основателем библейской критики в России (Велльгаузен, 1909). В числе оценок Велльгаузена см.: Irwin, 1944; Wikgren, 1944; Momigliano, 1982.

связь между языком и мифом, был на правильном пути, но он поменял местами первичные и вторичные факторы, рассматривая миф как болезнь языка и не пытаясь найти истоки языка в категориях мифического мышления[21]. Мюллер и Эрнст Кассирер (1874–1945) были среди тех теоретиков мифа, чьи работы систематически штудировались «группой по изучению мифов и литературных сюжетов» в Яфетическом институте с января 1926 г.[22] Мысль Франк-Каменецкого тесно связана с позитивистским стадиальным нарративом, который определяет подход его предшественников-эволюционистов, таких как Лэнг. Однако, как предполагает вышеупомянутый проект, он был связан с семантикой теснее, чем почти любая теория мифа со времен Мюллера. Для Франк-Каменецкого мифотворчество было прямым результатом восприятия первобытным человеком мира, который разделялся на три сферы: небо, землю и промежуточное пространство между ними. Общие пространственно-временные связи порождают бинарные оппозиции, такие как свет и тьма, верх и низ, лево и право. Это восприятие изначально регулировалось синкретизмом или диффузностью, законом идентичности части и целого, который допускал замену целого и любой его части и способствовал развитию фантастических модусов сознания. Это происходило потому, что вычленение понятий и конкретных характеристик, разделение существующего и несуществующего и само познание различных характеристик было невыполнимой задачей для первобытного человека, который оставался пассивным перед лицом природных сил. Эти способности развивались в связи с процессом организации человеческого труда в соответствии с единым ритмом, что привело к формированию единого, регулируемого потока впечатлений[23]. Так было обеспечено необходимое условие для разделения и познания явлений внутреннего и внешнего опыта. Дальнейшее выделение явлений происходит вместе с развитием материальной культуры, которую исследователь должен связать с развитием языковых категорий.

В 1929 г. Франк-Каменецкий опубликовал большую статью, в которой он утверждал, что, основываясь на разных материалах, но придерживаясь общей парадигмы развития, яфетическая теория и философия символических форм Эрнста Кассирера согласуются друг с другом в понимании того, как язык и мышление освобождаются от примордиального мифа, в котором они изначально были связаны воедино (Франк-Каменецкий, 1929). В то время как Кассирер, будучи идеалистом, пытался дать полную характеристику мифического мышления, яфетическая теория, по утверждению Франк-Каменецкого, углубилась в анализ лингвистических данных, материальной культуры и конкретных текстов. В последующие годы Франк-Каменецкий, Ольга Фрейденберг (1890–1955) и другие достигли значительных успехов в области литературных исследований, вернув семантическую палеонтологию Марра к ее антропологическим истокам, но теперь уже соотнося стадиальную теорию с отображавшей ход экономического развития теорией общественных формаций, которая стала доминировать в советской социологии и истории. Среди несомненных успехов следует упомянуть большую статью Франк-Каменецкого (Франк-Каменецкий, 1935b) о развитии поэтической метафоры и книгу Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» (Фрейденберг, 1936), в которой были сделаны важные теоретические выводы для теории нарратива. Мы знаем, что Бахтин был знаком с этим источником[24]. К этому моменту новая историческая поэтика была воспринята даже бывшим «попутчиком»

---

[21] Любопытно, что утверждение о том, что Мюллер и его коллеги поменяли местами первичный и вторичный элементы в своем анализе, был сделан Спенсером (1904, pp. 818–837).

[22] В этой группе были среди прочих Франк-Каменецкий, Иван Мещанинов (1883–1967) и Шишмарев (ПФА РАН. Ф. 77, оп. 1, д. 35, л. 5).

[23] Эта идея восходит к трудовой теории происхождения языка Людвига Нуаре (1829–1889), которую до революции отстаивали Георгий Плеханов (1856–1918) и Александр Богданов (1873–1928) и которая в 1920 г. была с энтузиазмом инкорпорирована в марксизм. Важнейшим текстом является Noiré (1880), переведенный на русский язык как Нуаре (1925). Переведенные отрывки также опубликованы в сборнике: Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. Роль орудия в развитии человека. 1925. На английском языке см.: Noiré, 1917.

[24] О Бахтине и Фрейденберг см.: Moss, 1984, pp. 150–191; Осовский, 2000; Perlina, 2002, pp. 249–262.

формалистов Жирмунским, который утверждал, что учение Марра о единстве глоттогонического процесса было «одним из наиболее значительных достижений советской научной мысли» (Жирмунский, 1936, с. 383). Это показывает, что наука о литературе должна быть выше национальной исключительности и постулировать единство литературных процессов. Сравнительный метод, понимаемый не как отдельная методология, а как метод исследования, займет очень важное место в общей истории и в истории искусства. Сравнение должно служить средством установления закономерности литературных явлений, соответствующих определенным этапам общественного развития (Жирмунский, 1936, с. 390)

Методологические выводы заключались в том, что сходство более общего порядка (жанров, стилей, эстетических принципов и идеологических тенденций) могло быть вызвано одинаковыми социально-историческими условиями. В любом случае все влияния являются органическими и социально обусловленными, поскольку для того чтобы особенность стала влиятельной, должен существовать предварительный спрос на идеологический импорт, предсуществование аналогичных тенденций. Все литературные влияния подразумевают более или менее последовательную адаптацию определенной модели к локальным особенностям общественного развития и локальным потребностям соответствующего социального класса в его социальной практике.

Этот краткий обзор развития исторической поэтики в среде ленинградских литературоведов 1920–1930-х гг. дает нам несколько важных указаний о том, как продвигалась работа Бахтина в конце 1930-х гг. и каковы были причины ее отличий от тех идей, которые разрабатывали московские теоретики литературы, например Дьёрдь Лукач (1885–1971)[25]. Бахтин подошел к развивающейся гегелевско-марксистской теории романа с определенным количеством концептуального багажа, воспринятого не только из немецкой философии и теории литературы, но и из литературной теории ученых Ленинграда. Именно эта конвергенция породила работы о хронотопе (1975 [1981]; 1981 [1938]), Рабле (1965; 1984 [1965]), эпосе и романе (1975 [1940]; 1981 [1940). Фактически Бахтин применяет методы анализа сюжетных структур и метафор, которые до сих пор прилагались к мифам, фольклору и древней литературе (в том числе к древнегреческому роману в работе Фрейденберг 1930 г.), к современному европейскому роману, выявляя структурные явления, которые выходят за границы национальных литератур и проявляются в разное время в определенных формах, соответствующих особенностям тех же или, по меньшей мере, аналогичных общественных формаций. Таким образом, у Данте и Достоевского представлены аналогичные пространственно-временные структуры, порождающие те же бинарные противоположности пространства и времени, которые оформляются в таких хронотопах, как дорога, порог, лестница и т.д. и которые в различных точках структурируют сюжеты на протяжении всей истории повествовательной литературы.

Таким образом, в этом направлении развития советской мысли мы находим мало обсуждаемые и недостаточно оцененные тенденции, которые способствовали синтезу, представленному в творчестве Бахтина[26]. Нарратив о постепенном освобождении от мифического мышления и о движении к науке, обозначенном качественными преобразованиями, является специфически позитивистским нарративом, исправленным, обогащенным и переработанным в соответствии с определенной тенденцией в советской мысли о месте литературы в процессе «становления» культуры. И в то же время творчество Бахтина сохраняет связь с романтизмом в том смысле, что для него мы не только постепенно освобождаемся от мифа, но и приходим к идее, что сам миф можно использовать в деле просвещения. Романтики утверждали, что первобытный человек находился в гармонии с собой, природой и другими, но эта первичная гармония была естественной и не зависела от

[25] См. прежде всего: Tihanov, 2000.

[26] Возможно, точнее было бы видеть работу Бахтина как колебания между успешным синтезом ранее существовавших интеллектуальных тенденций и интригующим синкрезом, в котором обнаруживается несовместимость таких тенденций.

собственных усилий человека. Те же представления о мифологическом единстве пронизывают культурную теорию марризма. В романтической схеме эта гармония была разрушена цивилизацией, когда человек оказался отчужденным от других в результате соперничества в гражданском обществе и разделен внутри себя в результате разделения труда. Человек был отчужден от природы после того, как наука демистифицировала ее, превратив в объект, над которым нужно доминировать. В схеме марризма это разрушение социального и идеологического единства связано с появлением определенных форм экономики, лежащих в основе общественных формаций. Как для романтиков, так и для марристов задача современного человека – воссоздать на сознательном, рациональном уровне то единство, которое когда-то было дано человеку и природе на наивном, интуитивном уровне. Теперь же, полагает Бахтин, периодический пересмотр первичных семантических групп и мифологического единства в романе может вдохновить на создание самосознающего и рационального единства.

Однако в позиции Бахтина отсутствуют какие-либо предположения о том, что порождает новые контексты, выходящие за рамки литературного произведения, и о том, как культурные формы встраиваются в жизнь, хотя и не сводятся к другим, социальным и в конечном итоге природным структурам. Действительно, такой анализ априори исключается из-за приверженности Бахтина принципам неокантианства, которые требуют, чтобы культурные формы рассматривались как явления *sui generis*. Вместо анализа сложных, многогранных и динамичных отношений между литературными и более широкими социальными формами, опосредованными, в частности, институциональными формами, в которых производится и воспринимается литература, у нас есть только жесты в сторону поверхностных соответствий, например, между жесткой иерархией монархического государства и синхронной архитектоникой романа Достоевского. Чего у Бахтина не хватает, так это экономики, ощущения того, что форма производства, которая преобладает в обществе, представляет собой «общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях» (Marx, 1973, p. 107). Таким образом, Бахтин опирался на работы таких ученых, как Франк-Каменецкий, чье творчество предполагало неразрывную увязку ранних форм словесной и материальной культуры, но затем он отделил подобные наблюдения от их корней в материалистической антропологии[27]. Это позволило ему использовать некоторые категории для анализа современной эпохи, однако на столь абстрактном уровне, что такие понятия, как карнавал и хронотоп потеряли большую часть своей критической силы, поскольку были открыты для абсолютно произвольной трактовки. Эти категории должны быть пересмотрены и терминологически ограничены, чтобы стать мощным аналитическим инструментом. Но также необходимо признать, что их переосмысление применительно к анализу культурных явлений современности требует тщательного рассмотрения институциональных форм, посредством которых они производятся и принимаются. Это требует от нас понимания тех предположений, на которых основывались бахтинские категории, и если мы хотим использовать их в работе с современными культурными явлениями, мы должны выйти за их пределы, пересматривать и развивать их в соответствии с социальными и экономическими предпосылками этих явлений.

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: УРСС, 2004.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003 [1923–1927]. С. 69–263.

---

[27] Франк-Каменецкий с Фрейденберг и другими в Институте языка и мышления разработал исследовательскую программу, чтобы создать отдельную область, называемую «десмотика» (desmotika, от греческого desmo, что означает «связь» или «цепь»), которая бы выявила связь между речью и материальной культурой как ее объектом (ПФА РАН. Ф. 853, оп. 1, д. 86, л. 16–17). Одним из немногих опубликованных результатов этого проекта является труд Франк-Каменецкого (1935c), но можно с уверенностью считать и работу Мегрелидзе (2007 [1938]) выражением той же тенденции.

Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М: Языки славянской культуры, 2003 [1921–1924]. Т. 1. С. 7–68.

Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы. (В записи В.А. Мирской). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975 [1938]. С. 234–407.

Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975 [1940]. С. 447–483.

Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996.

Бюхер К. Работа и ритм. М.: Новая Москва, 1923.

Вальцель О. Художественная форма в произведениях Гете и немецких романтиков // Проблема литературной формы. Л.: Academia, 1928. С. 105–134.

Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб.: Пирамида, 1909.

Веселовский А. О методе и задачах истории литературы как науки // Историческая поэтика. М.: УРСС, 2004 [1870]. С. 41–52.

Веселовский А. Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. М.: УРСС, 2004 [1899]. С. 200–382.

Десницкая А. Об антимарксистской теории произношения языка // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 26–59.

Десницкий В. А.Н. Веселовский в русском литературоведении // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 67–84.

Жирмунский В.М. Историческая поэтика А.Н. Веселовского // Известия Академии наук СССР: Отделение общественных наук. 1938. № 4. С. 43–65.

Жирмунский В.М. Историческая поэтика А.Н. Веселовского и ее источники // Ученые записки ЛГУ. 1939. Вып. 45. С. 3–19.

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний // Известия Академии наук СССР: Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 383–403.

Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой, 1925.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.

Марр Н.Я. (ред.). Тристан и Изольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

Марр Н.Я. Автобиография // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3–4. С. 126–30.

Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. М.: УРСС, 2007 [1938].

Медведев Ю.П. Нас было много на челне // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 89–108.

Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории человечества. Киев: Госиздат, 1925.

Осовский О. «Из советских работ большую ценность имеет книга О. Фрейденберг»: бахтинские маргиналии на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // Бахтинский сборник. Саранск: Мордов. пед. ин-т, 2000. Вып. IV. С. 128–34.

Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века. М.: Наука, 2008.

Попова И. «Лексический карнавал» Франсуа Рабле: книга М.М. Бахтина и франко-немецкие методологические споры 1910–1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. Вып. 79. С. 86–100.

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

Франк-Каменецкий И.Г. Академик Н.Я. Марр // Фронт науки и техники. 1935. № 1. С. 109–145.

Франк-Каменецкий И.Г. Грузинская параллель к древнеегипетской повести «О двух братьях» // Яфетический сборник. 1925. IV. С. 39–71.

Франк-Каменецкий И.Г. К вопросу о развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. 1935. № 1. С. 5–145.

Франк-Каменецкий И.Г. К космической семантике «камня» и «металла» // Академия наук академику Н.Я. Марру. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1935. С. 573–582.

Франк-Каменецкий И.Г. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. 1929. № 3. С. 70–155.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л: Гослитиздат, 1936.

Фрейденберг О. М. Евангелие – один из видов греческого романа // Атеист. 1930. Вып. 59. С. 371–384.

Энгельгардт Б.М. Александр Николаевич Веселовский. Пг.: Колос, 1924.

Bachtin N. Tolstoy's War and Peace. In Lectures and Essays. Birmingham: University of Birmingham, 1963. Pp. 23–33.

Backhaus J. (ed.). Karl Bücher: Theory-History-Anthropology-Non Market Economies. Marburg: Metropolis, 2000.

Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity. In: Bakhtin M.M. Art and Answerability: Early Philosophical Essays. Translated by Vadim Liapunov. Edited by Michael Holquist and Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1990 [1924–1927]. Pp. 4–256.

Bakhtin M.M. Epic and Novel: Toward a Methodology for the Study of the Novel. In Bakhtin M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Ed. by Michael Holquist; translated by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: Univ. of Texas Press, 1981 [1940]. Pp. 3–40.

Bakhtin M.M. Forms of Time and of the Chronotope in the Novel. In: Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Ed. by Michael Holquist; transl. by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981 [1938]. Pp. 84–258.

Bakhtin M.M. Rabelais and his World. Transl. by Helene Iswolsky. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1968 [1965].

Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of the Act. Transl. and notes by Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1993 [1921–1924].

Beiser F.C. The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 2003.

Belinsky V. Thoughts and Notes on Russian Literature. In R.E. Matlaw, ed., Belinsky, Chernyshevsky and Dobrolyubov: Selected Criticism. New York: Dutton. 1962. Pp. 3–32.

Brandist C. Mikhail Bakhtin and Early Soviet Sociolinguistics. In Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference. Universidade Federal do Paraná: Curitiba (Brazil). 2003. Pp. 145–153. Available at: http://eprints.whiterose.ac.uk/archive/00001115/

Brandist C. The Bakhtin Circle and Research on Language and Literature in Leningrad Institutions: the view from the archives. Proceedings of the XII International Bakhtin Conference, Jyvaskyla, 2006a. Pp. 144–156. Available at: http://eprints.whiterose.ac.uk/2134/

Brandist C. Neo-Kantianism in Cultural Theory: Bakhtin, Derrida and Foucault, Radical Philosophy, 2000. Pp. 102: 6–16.

Brandist C. The Place of ILIaZV in the Development of the Ideas of the Bakhtin Circle. In Vasilii Shchukin, ed. Bakhtin, Evropa, vek dvadtsatyi. Sbornik statei, Cracow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006b. Pp. 73–84.

Brentano F. Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis. Leipzig: Duncker and Humblot, 1889.

Comte A. The Positive Philosophy. New York: AMS, 1973 [1855].

Dorson R.M. The British Folklorists: A History. London: Routledge and Kegan Paul, 1968.

Hodgen M.T. Survivals and Social Origins: The Pioneers. American Journal of Sociology. 38(4): 583–594, 1933.

Hodgen M.T. The Doctrine of Survivals: The History of an Idea, American Anthropologist, 33(3): 307–324, 1931.

Irwin W.A. The Significance of Julius Wellhausen. Journal of Bible and Religion, 12 (3): 160–173, 1944.

Lähteenmäki M., Васильев Н. Перцепция «Нового учения о языке» Н.Я. Марра в работах В.Н. Волошинова: искренность или конъюнктура // Russian Linguistics 29 (1): 71–94, 2005.

Lang A. Custom and Myth. London: Longmans, Green and Co, 1904 [1884].

Lang A. Myth, Ritual and Religion. London: Longman, Green and Co, 1899.

Lévy-Bruhl L. How Natives Think. London: Allen and Unwin, 1926.

Marx K. Grundrisse: Introduction to the Critique of Political Economy. Harmondsworth: Penguin, 1973.

Meyer-Kalkus R. Work, Rhythm, Dance: Prerequisites for a Kinaesthetics of Media and Arts. In John Michael Krois et al. (eds.). Embodiment in Cognition and Culture. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2007. Pp. 165–182.

Momigliano A. Religious History Without Frontiers: J. Wellhausen, U. Wilamowitz, and E. Schwartz. History and Theory, 21(4): 49–64, 1982.

Montenyohl E.L. Andrew Lang's Contributions to English Folk Narrative Scholarship: A Reevaluation. Western Folklore 47(4): 269–284, 1988.

Moss K. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context. Unpublished PhD Dissertation: Cornell University, 1984.

Noiré L. Das Werkzüg und seine Bedeutung fur die Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Mainz: Diemer, 1880.

Noiré L. The Origin and Philosophy of Language. Chicago and London: Open Court. 1917.

Perlina N. Ol´ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington: Slavica, 2002.

Poole B. From Phenomenology to Dialogue: Max Scheler's Phenomenological Tradition and Mikhail Bakhtin's Development From Towards a Philosophy of the Act to His Study of Dostoevsky. In: Hirschkop, K. and Shepherd, D. (eds.). Bakhtin and Cultural Theory. (2nd edition) Manchester: Manchester University Press, 2001. Pp. 9–35.

Rose G. Hegel Contra Sociology. London: Athlone, 1981.

Schmaus W. A Reappraisal of Comte's Three-State Law. History and Theory, 21(2), 248–266, 1982.

Schmaus W. Levy-Bruhl, Durkheim, and the Positivist Roots of the Sociology of Knowledge. Journal of the History of the Behavioral Sciences, 32(4): 424–440, 1996.

Seriot P. (ed.) Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'ISL, 20). 2005.

Spencer H. First Principles. (Second edition). London: Williams and Norgate, 1867.

Spencer H. Principles of Sociology. (Third edition). London: Williams and Norgate, 1904.

Stocking G.W. After Tylor: British Social Anthropology 1888–1951. London: Athelone, 1995.

Stocking G.W. Victorian Anthropology. New York: Free Press, 1987.

Tenbruch F.H. Max Weber and Eduard Meyer. In W. J. Mommsen and J. Osterhammel (eds.). Max Weber and His Contemporaries. London: Unwin Hyman, 234–267, 1987.

Thomas L. The Linguistic Theories of N. Ja. Marr. Berkeley: Univ. of California Press, 1957.

Tihanov G. Bakhtin, Lukács and German Romanticism: The Case of Epic and Irony. In ADLAM, C. et al. eds. Face to Face: Bakhtin in Russia and the West. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. Pp. 273–298.

Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000.

Tylor E. Primitive Culture. London: J. Murray, 1871.

Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern et al: Peter Lang, 2007.

Voloshinov V.N. An Essay in Sociological Poetics, Russian Literature, LXIII–2–4, 190–195, 2008.

Wellhausen J. Prolegomena to the History of Israel, with a Reprint of the Article "Israel" from the Encyclopaedia Britannica. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1885.

Wellhausen J. Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883.

Wikgren A. Wellhausen on the Synoptic Gospels: A Centenary Appraisal. Journal of Bible and Religion, 12(3): 174–180, 1944.

Bakhtin's Historical Turn and Its Soviet Antecedents

© 2020 C. Brandist

Translated into Russian by A.A. Sychev

Brandist Craig, Ph.D., professor Head of Sheffield's Bakhtin Centre.
E-mail: c.s.brandist@sheffield.ac.uk

University of Sheffield Sheffield, Great Britain

Abstract. Based on previous work, the article provides a new understanding of Bakhtin's ideas on the stratification and historical development of language, drawing on unpublished archival materials of the Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV). It focuses on Bakhtin's work from the late 1930s, when he shifts his attention from language to the historical development of specific images, semantic clusters, and plot structures. Bakhtin still maintained close connections with the work carried out at ILIaZV, but drew upon the work of different scholars, Aleksandr Veselovskii (1838–1906) and Izrail´ Frank-Kamenetskii (1880–1937), who become important influences on Bakhtin, especially on his idea of carnival as syncretic pageantry as a structuring feature of literature and on his analysis of plot structures and metaphors. The article provides insight into the assumptions behind Bakhtin's notions of the chronotope and carnival and the prospect of re-grounding these notions, so that they become useful tools for future research.

Keywords: language stratification; semantic clusters; plot structures; chronotope; carnival.

Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm. M.: URSS, 2004.

Bakhtin M.M. Avtor i geroj v esteticheskoj deyatel'nosti // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003 [1923–1927]. S. 69–263.

Bakhtin M.M. K filosofii postupka // Bakhtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003 [1921–1924]. S. 7–68.

Bakhtin M.M. Lekcii po istorii zarubezhnoj literatury. (V zapisi V.A. Mirskoj). Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1999.

Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Leningrad: Priboj, 1929.

Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965.

Bakhtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975 [1938]. S. 234–407.

Bahtin M.M. Epos i roman // Voprosy literatury i estetiki. M: Hudozhestvennaya literatura, 1975 [1940]. S. 447–483.

Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym. M.: Progress, 1996.

Byuher K. Rabota i ritm. M.: Novaya Moskva, 1923.

Val'cel' O. Hudozhestvennaya forma v proizvedeniyah Gete i nemeckih romantikov // Problema literaturnoj formy. L.: Academia, 1928. S. 105–134.

Vell'gauzen Yu. Vvedenie v istoriyu Izrailya. SPb.: Piramida, 1909.

Veselovskij A. O metode i zadachah istorii literatury kak nauki // Istoricheskaya poeti-ka. M.: URSS, 2004 [1870]. S. 41–52.

Veselovskij A. Tri glavy iz istoricheskoj poetiki // Istoricheskaya poetika. M.: URSS, 2004 [1899]. S. 200–382.

Desnickaya A. Ob antimarksistskoj teorii proiznosheniya yazyka // Protiv vul'garizacii i izvrashcheniya marksizma v yazykoznanii. T. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951. S. 26–59.

Desnickij V. A.N. Veselovskij v russkom literaturovedenii // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshchestvennyh nauk. 1938. № 4. S. 67–84.

Zhirmunskij V.M. Istoricheskaya poetika A.N. Veselovskogo // Izvestiya Akademii nauk SSSR: Otdelenie obshchestvennyh nauk. 1938. № 4. S. 43–65.

Zhirmunskij V.M. Istoricheskaya poetika A.N. Veselovskogo i ee istochniki // Uchenye zapiski LGU. 1939. Vyp. 45. S. 3–19.

Zhirmunskij V.M. Sravnitel'noe literaturovedenie i problema literaturnyh vliyanij // Izvestiya Akademii nauk SSSR: Otdelenie obshchestvennyh naukyu 1936. № 3. S. 383–403.

Kapp E., Kunov G., Nuare L., Espinas A. Rol' orudiya v razvitii cheloveka. L.: Priboj, 1925.

Levi-Bryul' L. Pervobytnoe myshlenie. M.: Ateist, 1930.

Marr N.Ya. (red.). Tristan i Izol'da. L.: Izd-vo AN SSSR, 1932.

Marr N.Ya. Avtobiografiya N.Ya. Marra // Problemy istorii dokapitalisticheskih obshchestv. 1935. № 3–4. S. 126–30.

Megrelidze K.R. Osnovnye problemy sociologii myshleniya. M.: URSS, 2007 [1938].

Medvedev Yu.P. Nas bylo mnogo na chelne // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1992. № 1. S. 89–108.

Nuare L. Orudie truda i ego znachenie v istorii chelovechestva. Kiev: Gosizdat, 1925.

Osovskij O. «Iz sovetskih rabot bol'shuyu cennost' imeet kniga O. Frejdenberg»: bah-tinskie marginalii na stranicah «Poetiki syuzheta i zhanra» // Bakhtinskij sbornik. Vyp. IV, Saransk: Mordov. ped. int-t, 2000. S. 128–34.

Podol' R.Ya. Teoriya istoricheskogo processa v russkoj istoriosofii pervoj treti XX veka. M.: Nauka, 2008.

Popova I. “Leksicheskij karnaval” Fransua Rable: kniga M.M. Bakhtina i franko-nemeckie metodologicheskie spory 1910–1920-h godov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. Vyp. 79. S. 86–100.

PFA RAN – Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj Akademii nauk.

RGALI – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva.

Frank-Kameneckij I.G. Akademik N.Ya. Marr // Front nauki i tekhniki. 1935. № 1. S. 109–145.

Frank-Kameneckij I.G. Gruzinskaya parallel' k drevneegipetskoj povesti «O dvuh brat'yah» // Yafeticheskij sbornik. IV. 1925. S. 39–71.

Frank-Kameneckij I.G. K voprosu o razvitii poeticheskoj metafory // Sovetskoe yazyko-znanie. 1935. № 1. S. 5–145.

Frank-Kameneckij I.G. K kosmicheskoj semantike «kamnya» i «metalla» // Akademiya nauk akademiku N.Ya. Marru. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. S. 573–582.

Frank-Kameneckij I.G. Pervobytnoe myshlenie v svete yafeticheskoj teorii i filosofii // Yazyk i literatura. 1929. № 3. S. 70–155.

Frejdenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra. Period antichnoj literatury. L.: Goslitizdat, 1936.

Frejdenberg O. M. Evangelie – odin iz vidov grecheskogo romana // Ateist. 1930. Vyp. 59. S. 371–384.

Engel'gardt B.M. Aleksandr Nikolaevich Veselovskij. Petrograd: Kolos, 1924.

Bachtin N. Tolstoy’s War and Peace. In Lectures and Essays. Birmingham: University of Birmingham, 1963. Pp. 23–33.

Backhaus J. (ed.). Karl Bücher: Theory-History-Anthropology-Non Market Economies. Marburg: Metropolis, 2000.

Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity. In: Bakhtin M.M. Art and Answerability: Early Philosophical Essays. Translated by Vadim Liapunov. Edited by Michael Holquist and Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1990 [1924–1927]. Pp. 4–256.

Bakhtin M.M. Epic and Novel: Toward a Methodology for the Study of the Novel. In Bakhtin M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Ed. by Michael Holquist; trans-lated by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: Univ. of Texas Press, 1981 [1940]. Pp. 3–40.

Bakhtin M.M. Forms of Time and of the Chronotope in the Novel. In: Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays by M.M. Bakhtin. Ed. by Michael Holquist; transl. by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981 [1938]. Pp. 84–258.

Bakhtin M.M. Rabelais and his World. Transl. by Helene Iswolsky. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1968 [1965].

Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of the Act. Transl. and notes by Vadim Liapunov. Austin, TX: Univ. of Texas Press, 1993 [1921–1924].

Beiser F.C. The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 2003.

Belinsky V. Thoughts and Notes on Russian Literature. In R.E. Matlaw, ed., Belinsky, Chernyshevsky and Dobrolyubov: Selected Criticism. New York: Dutton, 1962. Pp. 3–32.

Brandist C. Mikhail Bakhtin and Early Soviet Sociolinguistics. In Proceedings of the Eleventh International Bakhtin Conference. Universidade Federal do Paraná: Curitiba (Brazil), 2003. Pp. 145–153. Available at: http://eprints.whiterose.ac.uk/archive/00001115/

Brandist C. The Bakhtin Circle and Research on Language and Literature in Leningrad Institutions: the view from the archives. Proceedings of the XII International Bakhtin Conference, Jyvaskyla, 2006a. Pp. 144–56. Available at: http://eprints.whiterose.ac.uk/2134/

Brandist C. Neo-Kantianism in Cultural Theory: Bakhtin, Derrida and Foucault, Radical Philosophy, 2000. Pp. 102: 6–16.

Brandist C. The Place of ILIaZV in the Development of the Ideas of the Bakhtin Circle. In Vasilii Shchukin, ed. Bakhtin, Evropa, vek dvadtsatyi. Sbornik statei, Cracow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006b. Pp. 73–84.

Brentano F. Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis. Leipzig: Duncker and Humblot, 1889.

Comte A. The Positive Philosophy. New York: AMS, 1973 [1855].

Dorson R.M. The British Folklorists: A History. London: Routledge and Kegan Paul, 1968.

Hodgen M.T. Survivals and Social Origins: The Pioneers. American Journal of Sociology. 38(4): 583–94, 1933.

Hodgen M.T. The Doctrine of Survivals: The History of an Idea, American Anthropologist, 33(3): 307–324, 1931.

Irwin W.A. The Significance of Julius Wellhausen. Journal of Bible and Religion, 12 (3):160–173, 1944.

Lähteenmäki M., Vasil'ev N. Percepciya «Novogo ucheniya o yazyke» N.Ya. Marra v rabotah V.N. Voloshinova: iskrennost' ili kon"yunktura // Russian Linguistics 29 (1): 71–94, 2005.

Lang A. Custom and Myth. London: Longmans, Green and Co, 1904 [1884].

Lang A. Myth, Ritual and Religion. London: Longman, Green and Co, 1899.

Lévy-Bruhl L. How Natives Think. London: Allen and Unwin, 1926.

Marx K. Grundrisse: Introduction to the Critique of Political Economy. Harmondsworth: Penguin, 1973.

Meyer-Kalkus R. Work, Rhythm, Dance: Prerequisites for a Kinaesthetics of Media and Arts. In John Michael Krois et al. (eds.). Embodiment in Cognition and Culture. Amsterdam and Phila-delphia: John Benjamins, 2007. Pp. 165–82.

Momigliano A. Religious History Without Frontiers: J. Wellhausen, U. Wilamowitz, and E. Schwartz. History and Theory, 21(4): 49–64, 1982.

Montenyohl E.L. Andrew Lang's Contributions to English Folk Narrative Scholarship: A Re-evaluation. Western Folklore 47(4): 269–284, 1988.

Moss K. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context. Unpublished PhD Dissertation: Cornell University, 1984.

Noiré L. Das Werkzüg und seine Bedeutung fur die Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Mainz: Diemer, 1880.

Noiré L. The Origin and Philosophy of Language. Chicago and London: Open Court. 1917.

Perlina N. Ol´ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington: Slavica, 2002.

Poole B. From Phenomenology to Dialogue: Max Scheler's Phenomenological Tradition and Mikhail Bakhtin's Development From Towards a Philosophy of the Act to His Study of Dosto-evsky. In: Hirschkop, K. and Shepherd, D. (eds.). Bakhtin and Cultural Theory. (2nd edition) Manchester: Manchester University Press, 2001. Pp. 9–35.

Rose G. Hegel Contra Sociology. London: Athlone, 1981.

Schmaus W. A Reappraisal of Comte's Three-State Law. History and Theory, 21(2), 248–266, 1982.

Schmaus W. Levy-Bruhl, Durkheim, and the Positivist Roots of the Sociology of Knowledge. Journal of the History of the Behavioral Sciences, 32(4): 424–440, 1996.

Seriot P. (ed.) Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'ISL, 20). 2005.

Spencer H. First Principles. (Second edition). London: Williams and Norgate, 1867.

Spencer H. Principles of Sociology. (Third edition). London: Williams and Norgate, 1904.

Stocking G.W. After Tylor: British Social Anthropology 1888–1951. London: Athelone, 1995.

Stocking G.W. Victorian Anthropology. New York: Free Press, 1987.

Tenbruch F.H. Max Weber and Eduard Meyer. In W. J. Mommsen and J. Osterhammel (eds.). Max Weber and His Contemporaries. London: Unwin Hyman, 234–267, 1987.

Thomas L. The Linguistic Theories of N. Ja. Marr. Berkeley: Univ. of California Press, 1957.

Tihanov G. Bakhtin, Lukács and German Romanticism: The Case of Epic and Irony. In ADLAM, C. et al. eds. Face to Face: Bakhtin in Russia and the West. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. Pp. 273–298.

Tihanov G. The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of Their Time. Oxford: Clarendon Press, 2000.

Tylor E. Primitive Culture. London: J. Murray, 1871.

Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern et al: Peter Lang, 2007.

Voloshinov V.N. An Essay in Sociological Poetics, Russian Literature, LXIII–2–4, 190–5, 2008.

Wellhausen J. Prolegomena to the History of Israel, with a Reprint of the Article "Israel" from the Encyclopaedia Britannica. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1885.

Wellhausen J. Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883.

Wikgren A. Wellhausen on the Synoptic Gospels: A Centenary Appraisal. Journal of Bible and Religion, 12(3): 174–18, 1944.